

О. В. Болотова,
магистрант I курса
факультета гуманитарных
наук НИУ «Высшая школа
экономики»

Между текстом и вещью. Опыт презентации истории революционного движения в первые годы работы Музея революции СССР¹

В этой статье речь пойдёт о том, какими средствами Музей революции СССР презентовал историю Российской империи и нового Советского государства в первые годы своей работы. Будет рассмотрена роль вещей в его первых экспозициях и соотносённость предметных экспонатов с другими видами музейных объектов. За пределами исследования оставлены вопросы отбора исторических фактов для освещения в экспозиции и музейные способы их трактовки. В работе используются ранее не введённые в научный оборот материалы из архива Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР).

На заре создания музея материальные реликвии были ещё из разряда диковинок. Первые посетители экспозиции оказывались в царстве фотографий, а также документов и диаграмм,

¹ Глубокую признательность за поддержку, оказанную в процессе подготовки работы, выражаю профессору факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Е. А. Вишленковой; доценту факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А. Н. Дмитриеву; профессору кафедры музеологии факультета истории искусства РГГУ А. А. Сундиевой; кандидату искусствоведения, старшему научному сотруднику НИИ РАХ, ассоциированному профессору Университета Квебека в Монреале М. М. Силиной; PhD Школы музейных исследований Лестерского университета (Великобритания) А. В. Михайловой; руководству Государственного центрального музея современной истории России и сотрудникам архива Л. М. Чистяковой и Л. С. Петровой.

то есть в пространстве текста. В течение 1920-х гг. недостаток вещевого ряда разбавляли сделанными на заказ картинами и скульптурами, самодельными схемами, цитатами и элементами художественного оформления, которые должны были иллюстрировать тяготы дореволюционной жизни и героическую борьбу народа за свободу. Поиски вещественных подлинников активизировались во второй половине 1920-х гг., когда для пополнения коллекции музейные сотрудники стали привлекать самих революционеров, организовав что-то вроде социальной сети бывших участников революции. Однако кардинального перелома достичь все равно не удалось, и текст оставался одним из главных элементов музейной презентации истории и в последующие десятилетия.

* * *

В 1920-е гг. в новом Советском государстве наблюдался настоящий музейный бум: только в 1918–1920 гг. было создано более 240 новых учреждений. Почти все они имели научно-просветительский характер². Среди них выделялся новый, не существовавший ранее вид историко-революционных музеев. Они создавались не на базе коллекции, а вокруг идеи, под которую нужно было сформировать музейное собрание.

В основе Музея революции СССР, созданного в 1924 г., лежали материалы двух выставок: открытой к X съезду РКП(б) в Доме Союзов весной 1921 г. выставки Истпарта³ (позднее в расширенном виде экспонировавшейся в Кремле) и подготовленной к 5-летию юбилею революции 1917 г. в залах бывшего Московского Английского клуба выставки «Красная

² Равикович Д. А. Формирование государственной музейной сети (1917 г.— I пол. 1960-х гг.). Москва, 1988. С. 33, 36, 37.

³ Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) при Наркомпросе — Истпарте была создана 21 сентября 1920 г. постановлением СНК, подписанным Лениным. В начале работы Комиссия своё основное внимание должна была направить на собирание, охрану и научную обработку документов и материалов. 1 декабря 1921 г. Истпарт перешёл в ведение ЦК партии на правах отдела.

Москва» (позднее трансформировавшейся в Историко-революционный музей г. Москвы)⁴.

Основу обеих выставок составляли вербальные и визуальные материалы: рукописи, отпечатанные на машинке документы, типографские листовки, плакаты и фотографии. Первый директор Музея революции Сергей Мицкевич, принимавший участие в создании этих выставок, вспоминал о «Красной Москве», что экспозиция по событиям 1917 г. состояла из «фотографических снимков с событий и деятелей революции». При этом, по его словам, даже этих материалов «хватило только на один зал» выставки, а остальные были заполнены случайными материалами, порой совершенно не имеющими отношения к делу⁵. «...В одном зале были выставлены формы и вооружение Красной армии, в другом — бесконечные диаграммы Московского губернского Совета профсоюзов (МГСПС), в третьем устроил свою выставку Московский отдел народного образования (МОНО)»⁶, — вспоминал он позднее.

Такая ситуация была типичной для музеев, отражавших революционные события. Несмотря на то, что партийные органы много раз обращали внимание на необходимость сохранения документов и вещественных реликвий, отражающих процессы строительства нового государства, собрать качественный материал по современной тематике, как ни парадоксально, оказалось не самой простой задачей.

В архиве ГЦМСИР сохранились докладные записки, подготовленные одним из создателей Историко-революционного музея г. Москвы (предшественник Музея революции СССР) Кириллом Злинченко (1870–1947) для партийных органов, сообщающие о проблемах с сохранностью материалов о революционной эпохе. «...Многие важные архивы в Москве (по теории вероятности и вне её) не взяты на учёт, не охраняются,

⁴ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Книга записей хроники событий истории музея.

⁵ Мицкевич С. И. Музей революции Союза ССР / Музей революции Союза ССР. Москва, 1927. С. 6.

⁶ Там же.

не находятся под наблюдением специальных инструкторов, которые должны бы их разобрать и соответствующим образом классифицировать», — говорится в письме, составленном в 1922 г. на имя секретаря ЦК Валериана Куйбышева. В качестве примера приводится «случайно обнаруженный» в ходе подготовки выставки «Красная Москва» архив военных комиссаров Москвы, оказавшийся, по словам Злинченко, «в невероятном состоянии: в амбаре на задворках, смешанный с разным бумажным хламом, с очень ценными и бесценными книгами, подмоченный местами водопроводными отлёками, расходуемый на обёрточную бумагу в смежной военно-кооперативной лавке»⁷.

В подготовленных Злинченко письмах содержится информация и о других проблемах с комплектованием материалов по революционной истории. Так, согласно документам, несмотря на высокую миссию сохранения памяти об Октябре, многие фотоснимки музейным сотрудникам необходимо было покупать. И так как фотографий требовалось много, то даже несмотря на 50-процентную скидку, речь, по словам Злинченко, шла о значительной сумме. Кроме того, нужные фотографии не всегда удавалось обнаружить в профильных структурах. «Как в фотокинокомитете, так и особенно в Кино-Москве, почти совершенно отсутствуют фотографические снимки Февральской и Октябрьской революции. На мой запрос в Кино-Москве, почему они отсутствуют (равно как снимки и позднейшего времени), тогда как ещё в 1919 году я видел их, тов. Разумный, зав. производственным отделом (член нашей партии), сообщил мне, что все эти материалы каким-то образом перекочевали в частные руки и систематически продаются за границу»⁸, — писал Злинченко.

⁷ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Доклады зав. партийно-политическим отделом выставки «Красная Москва» секретарю ЦК РКП(б) В. В. Куйбышеву о положении архивного дела и мерах по собиранию и охране материалов по истории революции и выписки из протоколов заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 7 декабря 1922 г. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 5 об.

Всего к 1924 г. по стране действовало 17 музеев революции, 5 историко-революционных отделов при музеях и 25 постоянных выставок, освещающих революционное движение. К 1928 г. насчитывалось 82 музея⁹. Экспозиции могли занимать одну или несколько комнат, охватывать разные периоды (точками отсчёта становились крестьянские восстания XVII в., отмена крепостного права или события 1917 г.), но в целом были малопривлекательны и похожи друг на друга. «В большинстве музеев материал страшно мелок, — подбор фотографий и иллюстраций случаен и тесно, почти друг на друга прибит к стене, не будучи разработан в музейном смысле. Часто однообразная форма экспозиции, например подавляющее количество фотографий, создаёт скучную однообразную гамму, утомительную для восприятия», — говорила в докладе «Принципы построения местных музеев революции» на IV съезде Истпартов в январе 1927 г. представитель Музея революции СССР Н. В. Романовская¹⁰.

В 1926 г. на музейной конференции в Ярославле представитель Московского губернского отдела народного образования И. Г. Клабуновский указывал, что в большинстве музеев революционные отделы представляют собой «нагромождение плакатов и фотографий», что утомляет посетителей. По итогам конференции была вынесена резолюция по вопросу организации при музеях отделов революционного движения. В ней признавалось, что основным материалом, экспонирующимся в революционных отделах, являются диаграммы, фотографии, карты, рукописи и другие материалы. Поскольку эти экспонаты подвергаются быстрому воздействию света и времени, было решено поручить Музейному отделу Наркомпроса разработать методы наилучшего их сохранения¹¹.

⁹ Кйтманова С. И. Истпарт и становление историко-революционных музеев (1920–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Москва, 1983. С. 51.

¹⁰ См.: Романовская Н. В. Принципы построения местных музеев революции / Музей революции Союза ССР. Москва, 1927. С. 14–22.

¹¹ Щербина Ю. В. Отражение революционных событий музейными средствами как один из

Можно предположить, что сосредоточенность на документальных источниках была связана не только со сложностями в поиске материалов, но и с институциональным происхождением историко-революционных музеев и соответствующих отделов в региональных краеведческих музеях. Их создание часто курировал не музейный отдел Наркомпроса, а созданный в сентябре 1920 г. Истпарт¹², деятельность которого в первую очередь была нацелена на работу с текстовым материалом.

Более того, долгое время музеи революции по сути были одновременно архивными хранилищами Истпартов. Подробно этот процесс рассмотрен в диссертации Светланы Кытмановой «Истпарт и становление историко-революционных музеев (1920–1928 гг.)». Автор сообщает, что изначально историко-революционные секции начали организовывать в существующих хранилищах. Однако данная схема не работала, поскольку положение в архивах было сложным, не существовало чёткой системы учёта, а дела зачастую хранились небрежно. В связи с этим фактически множество архивных документов по теме стало оседать в историко-революционных музеях¹³. Какие-то из них передавались в эти музеи Истпартами, какие-то, как было показано выше, находили сами музейщики. До 1930-х гг. чёткого разграничения между характером материалов, подлежащих архивному или музейному хранению, не существовало.

Конечно, и Истпарт, и сами музеи собирали также и вещи, связанные с историей революционного движения. Например, из типичных объёмных предметов, которые были представлены в первых экспозициях Музея революции СССР, можно

аспектов политизации деятельности музея в 1920–1930-х гг. // Вестник Тамбовского университета. 2016. Т. 21. № 1 (153). С. 70. (Гуманитарные науки). URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/1810-0201/2016/1/68-74/> (дата обращения: 14.05.2020).

¹² Истпарт курировал идеологическую сторону работы музеев революции, в то время как Наркомпрос осуществлял общее руководство. Подробнее см.: Кытманова С. И. Указ. соч. С. 22.

¹³ Там же. С. 80.

назвать образцы оружия, самодельных бомб, предметы из мест ссылок и заключений революционеров. Одним из наиболее популярных стал отдел «Каторга и ссылка», в котором была воспроизведена подлинная обстановка камеры Шлиссельбургской крепости. Кроме того, в составе экспонатов находилась также клетка, в которой привезли в Москву Емельяна Пугачёва. Однако общей картины это не меняло. Согласно данным Мицкевича, осенью 1926 г. из 8 500 единиц, представленных в экспозиции, вещественных реликвий было всего 144. В то же время остальная статистика распределялась следующим образом: на книги, брошюры, листовки и периодические издания приходилось 2 706 позиций, документов было 4 409, фотографий — 2 436, иллюстраций — 1 454, монтажных плакатов¹⁴ — 398, плакатов печатных — 236, цитат — 157, значков и жетонов — 202, картин — 80, рисунков — 96, портретов — 98, скульптур — 25¹⁵. В 1928 г. из 1 150 представленных в залах по теме Гражданской войны экспонатов вещественных реликвий было всего 48¹⁶, то есть менее 5 %¹⁷.

¹⁴ Монтажный плакат — особый экспонат, который изобрели создатели Музея революции СССР. Вот как о нем пишет А. Б. Закс: «Монтажные плакаты (терминология Музея революции). Их создание сотрудники музея считали своим большим достижением. На планшет (обычно лист картона) накреплялись экспонаты, относящиеся к данной теме. Таким образом, эта группа экспонатов ограничивалась от других, что помогало зрителю разобраться в экспозиции. Представляя собой законченное звено экспозиции, монтажный плакат был неким экспозиционным комплексом и вместе с тем рассматривался как один сложный, «комбинированный» экспонат. Мысль о подобных плакатах возникла в связи с характером подавляющего числа экспонатов — мелких фотографий и документов. Первые монтажные плакаты представляли собой набор фотографий участников революционного события, революционной организации. В дальнейшем на одном планшете объединялись разнородные материалы». (Закс А. Б. Из истории Государственного музея революции СССР (1924–1934) // Очерки истории музейного дела в России. Москва : Министерство культуры РСФСР. Труды НИИ музееведения, 1963. Вып. 5. С. 18–19.)

¹⁵ Мицкевич С. И. Указ. соч. С. 11.

¹⁶ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 1. Диаграмма количественного соотношения фотоэкспонатов с другими видами экспозиционного материала раздела «Гражданская война».

¹⁷ Аналогичные проблемы были и у созданного в 1919 г. без участия Истпарта Музея революции в Санкт-Петербурге. Автор его первых экспозиций Вера Лейкина-Свирская писала, что, несмотря на достаточно большое количество собранных музеем вещей (судя по описанию, их было больше, чем в московском музее), «ярких и выразительных подлинных памятников не хватало для наполнения обширной тематики историко-революционной экспозиции» (см.: Лейкина-Свирская В. Р. Из истории Ленинградского музея революции / Очерки истории музейного дела в России. Москва : Советская Россия, 1961. Вып. III. С. 55–78). Здесь стоит отметить, что истории ленинградского и московского Музеев революции имеют свои особенности, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы.

Эти данные подтверждают отзывы посетителей — в целом положительные или даже восторженные. Впрочем, посетители обращали внимание на малочисленность вещевых экспонатов и высказывали пожелания об увеличении предметности экспозиции. Например: «Вообще у меня осталось хорошее впечатление о выставке, но, по-моему, необходимо ввести больше предметности, так как предметность лучше закрепляет всё в памяти», — писал Мелов, экскурсанта из Перми, 19 февраля 1926 г. в музейной книге отзывов¹⁸. «Слишком много фотографий, диаграмм — сухого материала, от которого рябит в глазах. Без объяснителя посетителям обходиться трудно. Мало подлинных реликвий. Ведь право, диаграммами и портретами увесить стены любого здания можно. В музее революции хочется видеть музейные редкости», — соглашался полгода спустя, 20 мая 1926 г., Георгий Стручков из Красноярска¹⁹. «В том, что музей даёт представление об истории пролетарской революции, нет спору, но слишком однообразен материал по своей внешности/картины, портреты, листовки, плакаты и пр. <...> А в общем, этот музей велик по своей идее», — утверждал посетитель 15 июня 1926 г.²⁰

Сложность работы с материальными реликвиями, отражающими события, произошедшие на памяти ещё живущего поколения, возможно, объяснялась отсутствием ясных представлений о том, что именно должно было быть представлено в музее в ситуации, когда историческая ценность предмета во многом определялась окружающей его легендой (ведь речь шла о вещах, которые, как правило, ещё встречались в повседневном обиходе). Для того чтобы понять, каким образом рассказывать людям и друг другу о революции, создателям музея нужно было самим понять, что же произошло.

¹⁸ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Подборка отзывов посетителей музея к 10-летию музея. Т. 1. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же.

А это понимание рождалось в процессе создания нарратива, в основу которого сначала можно было положить только текст и, уже отталкиваясь от него, — начинать работать с образами.

Текстовое восприятие экспозиционного пространства давало о себе знать очень часто. Судя по целому ряду записей в книге отзывов музея, экспозиция действительно воспринималась зрителями скорее как литературный жанр. Один просил дополнить разделы списками рекомендованной литературы для дальнейшего изучения, второй — организовать при экспозиции читальный зал, третий — сделать на основе материалов центрального музея передвижную выставку, чтобы «не только москвичи имели бы возможность *листать страницы* (курсив наш. — О. Б.) истории, а также и провинция»²¹.

Сама структура первых экспозиций была похожа на конспекты учебников. Так, выставка Истпарта, открытая к X съезду РКП(б) (та самая, которая затем вошла в состав Музея революции), состояла из 9 разделов. Они воспроизводили ленинскую периодизацию истории партии, но главное — тематический план выставки подтверждал, что она была «своеобразным учебником истории партии»²².

В книге «Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив» Евгений Добренко писал, что история начинается с нарративных процедур. Прежде всего речь идет о превентивной оценке при отборе самого исторического материала: «Необходимость или импульс ранжирования событий с точки зрения их значимости для культуры или группы, пишущей свою собственную историю, и делают

²¹ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Подборка отзывов посетителей музея к 10-летию музея Т. 1. Л. 4 об. В работе С. И. Кытмановой тоже есть подобная оговорка. В описании выставки «Партистроительство», открытой Пермским Истпартом, она говорит, что в отчетах организаторы сообщали: «Публика не просто смотрит, а читает» выставку, в связи с чем им «пришлось поставить стол для читающих» (см.: Кытманова С. И. Указ. соч. С. 106).

²² Кытманова С. И. Там же. С. 118.

возможной нарративную репрезентацию реальных событий», — отмечал он²³.

Таким образом, мы можем наблюдать, как из разрозненных текстов в музейной экспозиции рождался революционный нарратив. При этом указанный тип восприятия и подачи материала сохранился в последующие десятилетия. Во всяком случае значительно позднее, в конце 1970-х гг., согласно воспоминаниям бывшего сотрудника Музея революции Исаака Розенталя, среди сотрудников было в ходу утверждение, что экспозиция является формой научной публикации, а посетители музея сравнивались с читателями книг²⁴.

Осознанный курс на увеличение количества вещей в экспозиции был взят во второй половине 1920-х гг. После 10-летнего юбилея Октября происходила всё более отчётливая переориентация музеев в сторону просветительства и пропаганды, вследствие чего приходилось задуматься над увеличением наглядности экспозиции²⁵. Следствием этого стали два параллельных процесса. С одной стороны, в экспозиции усилилась увлечённость оформительскими эффектами, вспомогательным и иллюстративным материалом. С другой, чтобы насытить экспозицию подлинными аттрактивными экспонатами, пришлось активизировать собирательскую работу. Рассмотрим оба процесса подробнее.

Итак, сначала из-за недостатка требуемого исторического материала экспозицию пытались заполнить картинками,

²³ Добренко Е. А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. Москва : НЛО, 2008. С. 259.

²⁴ «Одна из опытнейших и заслуженно уважаемых “музейщиц” Мария Абрамовна Юхвец, просвещая меня в начале моей службы в музее, объяснила, что экспозиция — это форма научной публикации, равноценная публикации в печати. Но каким образом, спросил я, пользоваться такой “публикацией”, когда экспозицию демонтируют и она исчезнет как целое? <...> Ответа не последовало, ясно, что эта бессмыслица под видом аксиомы вдалбливалась в сознание не одного поколения сотрудников музея на протяжении десятков лет» (Розенталь И. С. За синей птицей. Москва : Новый хронограф, 2012. С. 230).

²⁵ Ведерникова Г. И. Формирование фондов Центрального музея революции СССР в 1923–1937 гг. // Музейные коллекции как источник изучения и пропаганды истории Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. науч. тр. М., 1987. Вып. 9. Автор статьи пишет, что в целях «усиления пропагандистского звучания экспозиции и эмоционального воздействия на широкие массы» была поставлена задача «овеществления» экспозиции.

скульптурами и макетами, выполненными на заказ. Например, в смете выставки, посвящённой 10-летию юбилею Октября, на приобретение картин и скульптур было выделено 20 тыс. рублей, четверть из которых полагалась скульпторам И. Шадрю и М. Рындзюнской за бюсты Ленина и Сталина²⁶. За картины платили от 300 до 500 рублей. Всего планировалось приобрести 31 полотно²⁷.

Заказы распределяла между художниками комиссия, она же утверждала темы и точные суммы гонораров²⁸. Подобные предложения со стороны музея пользовались популярностью. К примеру, при подготовке к выставке «Революция и культура» было подано 439 заявлений²⁹. Среди конкурсантов — известные художники: Григорий Шегаль, Пётр Котов, Павел Соколов-Скаля.

«Музей наводнялся произведениями исторической живописи для создания у посетителей “эмоционального подъёма”», — фиксирует в своих воспоминаниях известный историк-музеевед Анна Борисовна Закс (1899–1996). По её словам, в дальнейшем в экспозиции также увеличивается количество критических оценочных текстов и появляются художественные эффекты. Она отмечает, что зал «От Февраля к Октябрю» «заполнился сугубо символическими конструкциями», а в отделе современности экспонаты «завертелись, запестрили и замигали»³⁰.

Закс оценивает этот процесс негативно, поскольку из-за появления вспомогательного иллюстративного материала

²⁶ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Материалы по подготовке музея к 10-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции (протоколы комиссии, Совкино, киносекции, смета расходов с объяснительной запиской и др.). Л. 15.

²⁷ Там же. Л. 15 об.

²⁸ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141.

²⁹ Там же. Д. 101. Заявления и переписка художников об участии в конкурсе работ для экспозиции музея и выставки «Революция и культура».

³⁰ Закс А. Б. 1929. Несколько штрихов // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 190. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496133&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.04.2020); *Он же*. Из истории Государственного музея революции СССР (1924–1934) / Очерки истории музейного дела в России; Министерство культуры РСФСР. Труды НИИ Музееведения. Вып. 5. Москва, 1963. С. 5–84.

и художественных эффектов ядром экспозиции перестают быть подлинные исторические источники, за что, по её словам, всегда выступал Николай Дружинин — первый учёный секретарь Музея революции, впоследствии известный учёный и академик РАН. Так или иначе, в опубликованной в 1927 г. статье «Методы историко-революционной экспозиции» сам Дружинин не выступает против использования произведений живописи, макетов, схем и художественных образов в экспозиции, считая, что они решают разные задачи и при комплексном использовании помогают лучше взаимодействовать с посетителем. Возможно, Закс имела в виду, что в погоне за эффектностью из экспозиции стали убирать документы и фотографии, важность которых также подчёркивал Дружинин, но конкретно о вещевых экспонатах речь вряд ли шла.

Напротив, с конца 1920-х гг. в музее активизируется поиск вещественных реликвий для экспозиции. «Собирание и экспозиция вещественных реликвий должны составить важнейшую задачу историко-революционного музея. Необходимо энергичное и планомерное “раскапывание” остатков прошлого», — утверждал в 1927 г. Дружинин³¹. А уже в марте 1928-го «наметившиеся тенденции к постепенному овеществлению музейной экспозиции» отмечались на секции научных работников музея³².

Похожие тенденции наблюдались и в работе региональных историко-революционных музеев. Если на открывшейся в 1927 г. в Ярославле выставке к 10-летию Октября наиболее полно были представлены газеты, листовки, воззвания местных органов, книги, брошюры и архивные документы, то в августе 1929 г., когда Истпарт начал передачу экспонатов для создания историко-революционного отдела при губмузее, в акте фигурировало уже значительно больше вещественных

³¹ Дружинин Н. М. Методы историко-революционной экспозиции // Музей революции Союза ССР. Москва, 1927. С. 23–33.

³² Ведерникова Г. И. Указ. соч. С. 15.

экспонатов. В частности, там были печатный станок, камень для клише, рама с крышкой к печатному станку, тюремная рубашка с нашивками, тюремные головные уборы, ножные и ручные кандалы³³.

Отдельного рассмотрения заслуживают методы, с помощью которых сотрудники собирали экспонаты. Для решения задачи были задействованы несколько механизмов. Реликвии собирали через членов Общества друзей Музея революции, посредством рассылки обращений, путём непосредственного посещения отдельных участников движения фабзавкомов и правительственных учреждений, с помощью экспедиций в различные местности.

По-своему уникальным явлением стало создание «картоteki связей» музейных сотрудников. Чем больше участников событий было зафиксировано в картотеке, тем шире становился круг источников поступления ценных исторических документов. Особенно успешной в этом была Зинаида Алексеевна Прокофьева, заполнившая за один год 150 карточек «личной связи». Она собирала вещи для музея на 11 заводах, в 25 учреждениях Москвы, Ленинграда и других городов. Как явствует из картотеки, Прокофьева обратилась к 100 своим знакомым и получила от них 65 вещей. Среди них ставшие символами революции реликвии: пушка, из которой красногвардейцы обстреливали юнкеров, засевших в Кремле, и трамвайный столб, пробитый снарядом (сейчас они выставлены у здания музея).

Интересно, что о ценностях контактов с революционерами говорилось и в первые годы существования музея. Например, в 1925 г. на комиссии по подготовке к празднованию 25-летия Первой русской революции была поставлена задача поиска участников событий, но получения у них вещей — нет. Речь

³³ Салова Ю. Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музеологии. Москва, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provintsialnye-muzei-revoljutsii-v-1920-eg-proekty-i-praktika> (дата обращения: 03.04.2020).

шла о сборе воспоминаний и автобиографий для отправки в райкомы партии³⁴. Лишь позднее эти связи начали использоваться для пополнения фондов.

Существенно, что массовый поиск вещевых экспонатов в историко-революционных музеях осуществляется в период, когда в остальных музеях постепенно начинает происходить обратный процесс: со второй половины 1920-х гг. вещи изымаются из экспозиции, а вместо подлинников появляются обширные экспликации и этикетки (то есть текст). Так происходит, поскольку меняются приоритеты и вместо научно-исследовательской деятельности главной в музейном деле становится массово-просветительская.

Путь Музея революции и вслед за ним прочих историко-революционных музеев кажется в этой связи особенным. С одной стороны, как будто некоторые тенденции, которые затем станут общими, проявились в них раньше других. Например, обозначенные выше экспозиционные подходы Музея революции, предназначенные для отражения «закономерного хода революционного процесса в наглядной форме», вскоре были внедрены повсеместно³⁵.

С другой стороны, музеи революции как будто шли обратным путём, начав доносить свои идеи преимущественно через текст, а потом уже формировать вокруг текста предметный ряд. При этом показательно, что сам текст из экспозиции никуда не исчез. Например, из материалов заседания учёного совета, проведённого за несколько месяцев до войны (в марте 1941 г.) и посвящённого

³⁴ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Материалы по организации празднования 20-летия революции 1905–1907 гг. в Наркомтруде (с участием музея).

³⁵ Поляков Т. П. Методы и технологии создания музейных экспозиций в Советской России (1918–1991) // Артгид. 14.12.2017. URL: <https://artguide.com/posts/1389> (дата обращения: 03.04.2020). Автор, в частности, пишет, что метод создания экспозиции, применявшийся в историко-революционных музеях (он назывался иллюстративно-тематическим), стал главным после введения в 1934 г. преподавания истории в школах. А позже он станет востребованным не только в исторических, но также в естественно-научных и краеведческих музеях, сориентированных на предметную иллюстрацию школьного курса истории и биологии.

обсуждению новой концепции экспозиции Первой русской революции, мы узнаём, что сотрудники музея по-прежнему преимущественно работают с документами. «О трёхмерном материале было сказано чрезвычайно скупо. Опять получается, что у нас Музей революции будет напоминать иллюстрированную, и даже не всегда обильно, стенгазету. Ведь если посчитать, сколько вы предлагаете посетителю прочесть текстового материала, то ужас возьмёт», — критиковал предложенный к обсуждению план представитель Наркомпроса (начальник музейно-краеведческого отдела) А. Д. Малевский³⁶. Возможно, это было связано с тем, что планомерный ход развития музея был нарушен в конце 1920-х гг., когда многолетняя работа его коллектива была подвергнута критике властей. После того как в 1929 г. музей получил отрицательный отзыв комиссии Института В. И. Ленина³⁷, с поста учёного секретаря на должность руководителя отдела перешёл Дружинин; начал болеть и существенно меньше времени проводить на работе сам Мицкевич. И хотя коллектив вынашивал грандиозные планы по строительству нового большого здания музея, в котором разместилась бы экспозиция по истории мировой революции, по сути, учреждение оказалось в кризисе, продлившемся вплоть до Великой Отечественной войны.

Впрочем, эта гипотеза нуждается в отдельной проработке, которая, возможно, станет предметом будущих исследований.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ
В МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКЕ
Декабрьские научные чтения

16–17 декабря 2019 г.

Руководитель предпечатной подготовки А. В. Соболев
Верстальщик В. Э. Малков
Корректор А. В. Локтионова

Отпечатано в редакционно-издательском отделе ГЦМСИР.
Формат 140 × 200. Тираж 100 экз.

125009, Москва, ул. Тверская, д. 21

³⁶ Архив ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 467. Материалы заседания учёного совета (приказ Наркомпроса № 154 об утверждении членов совета, стенограмма, протокол, присвоение званий мл. н/с). Л. 33 об.

³⁷ Комиссия Института В. И. Ленина при ЦК ВКП(б) проводила обследование работы музея с марта по октябрь 1929 г. в рамках генеральной чистки и проверки рядов партии (*Закс А. Б.* Из воспоминаний «Эта долгая, долгая, долгая жизнь» // *Музейное дело. Сб. науч. тр. Вып. 30.* Москва: ГЦМСИР, 2007. С. 151).